

Дамблдор последовал за Амелией в простой кабинет, где они могли обсудить обвинения, выдвинутые против Северуса. Он старался сохранять спокойствие, но никак не ожидал, что все обернется таким образом. По правде говоря, он был более чем обеспокоен. Он понятия не имел, кто будет этим поверенным, он не представлял себе весь объем обвинений, он не знал, какие будут доказательства.

Он и представить себе не мог, ни за какую тысячу лет, что, когда столько лет назад он поместил Гарри к тете и дяде, произойдет такое. Дамблдор тоже не был дураком; он знал, что может проследить причину этой проблемы до Гарри и до Северуса. Дамблдор не был слеп к тому факту, что Северус, скорее всего, мог бы предотвратить это, если бы проглотил свою собственную гордость.

Дамблдор ожидал, что Гарри прибудет в Хогвартс хорошо подготовленным. Может быть, немного интровертированным, какими обычно были многие маглорождённые и воспитанные, но о нём позаботятся. На самом деле, когда Гарри вошел в школу с высоко поднятой головой даже под капюшоном, скрывавшим его лицо, он был обнадежен. Он не был каким-то голодным ребенком, не выглядел жестоким. Он думал, что Гарри будет именно таким, каким он надеялся его видеть. Не ребенком с раздутым эго, а ребенком, который будет скромным, заботливым, даже прощающим.

Но все быстро рухнуло. Он вызвал Гарри к себе в кабинет, чтобы спросить о наблюдательных палатах, установленных на Тисовой улице, 4, когда он поместил туда Гарри, но на каждом шагу встречал упреки. Он не хотел присутствовать на собрании без Филлиуса, что обрадовало Дамблдора и обеспокоило его в равной степени. Он был доволен, потому что Гарри не мог выбрать лучшего человека, чтобы иметь его в своем углу, но он был обеспокоен, потому что Гарри был чрезвычайно осторожен, тем не менее. Если Дамблдор был честен, это было... раздражающе.

Средства, признался он себе, были ошибкой. В его намерения не входило красть из хранилища Гарри. Он просто забыл, что Джеймс и Лили заплатили за все семь лет вперед. Это заставило его ненадолго задуматься о том, не зря ли люди говорили ему уйти со своих постов. Но он ничего не мог поделать, если не помнил каждую мелочь. Он отчаянно пытался не отставать. Большинство родителей не платили заранее.

То, как он рассказывал о своем увлечении тестралами, заставляло его старое сердце парить и тонуть одновременно. В этом мальчике была радость! Он светился счастьем, которое сияло, как тысячи солнц, когда он говорил о Стралах, как бы кратко он о них ни рассказывал. Но он уже видел смерть. В столь юном возрасте он видел смерть. Никого нельзя заставлять видеть смерть в столь юном возрасте, и его сердце было безразлично к Гарри.

Он беспокоился, что Гарри станет таким же мрачным, как Том. Гарри практически пожирал свои магические исследования с жадным аппетитом, которого Дамблдор не видел со времен Тома или, возможно, Филиуса. Но присутствие ящика с переводами из Гринготтса каждое второе утро или около того избавило Дамблдора от этой мысли. Он видел много молодых Наследников или Эмансипированных Лордов с такими вещами. Гарри справлялся с финансами и учебой, а учитывая обширность состояния Поттеров, Дамблдор не сомневался, что Гарри прогрессирует в учебе настолько, что не отстает.

Сердце Дамблдора на мгновение взлетело вверх, когда он увидел, как Гарри и младший мистер Уизли разговаривают. Однако это быстро сошло на нет. Дамблдору пришло в голову, что Гарри не считал никого из своих сверстников друзьями. Они были просто его сверстниками. Гарри вывел свою интровертность на совершенно другой уровень. Он словно построил крепость вокруг своего сердца и отказывал практически всем во входе.

Затем Минерва рассказала ему об удивительной вещи. Гарри преуспел в Трансфигурации! Дамблдор нежно относился к своей старой преподавательской должности, и услышать, что ученик справился с таким заданием, даже таким простым, с первой попытки, было удивительно. Гарри даже предложил хорошо продуманное объяснение того, как он это сделал. Но не это, а то, что сказала Минерва, по-настоящему потрясло Дамблдора. Гарри сидел рядом с девочкой из Слизерина и даже, казалось, вел с ней дружескую и вежливую беседу!

Казалось, есть возможность преодолеть разрыв между школьными домами!

Затем поговорить с Гарри пришел самый младший мистер Уизли. По правде говоря, Дамблдор больше всего опасался этого. Он знал о вражде не только между гриффиндорцами и слизеринцами, но и между семьями Уизли и Малфоев. Репутация Дома Слизерин была не совсем беспочвенной, но в то же время она действительно раздувалась до неприличия. Он видел многих студентов, окончивших дом Слизерин и не ставших Темными волшебниками. Одним из таких учеников был Аластор Грюм, ставший довольно свирепым Мракоборцем, который был просто находкой во время войны с Волдемортом.

По таким насущным вопросам, как права равенства, Муди оставался нейтральным, чем Дамблдор, если честно, не хотел бы пользоваться. Но так было просто принято. Слизеринцы, в конце концов, были хитрыми и амбициозными, поэтому они были склонны заботиться о себе прежде, чем о других. Дамблдора это не слишком беспокоило, в конце концов, они не были темными.

Но Гарри удивил его в очередной раз! Он не поддался мышлению своих сверстников. У Гарри был довольно прогрессивный образ мышления, при котором грехи отца не падают на сына. И он заявлял об этом перед всеми. Он не стеснялся быть в центре внимания. Он не боялся, что его будут презирать или отторгать от сверстников за его образ мышления.

Затем произошло фиаско на уроке зелий. Сначала он подумал, что вся ситуация была раздута из мухи слона. Что у Гарри по какой-то причине была простая неприязнь к Северусу, которая и заставила его пойти к Поппи. Дамблдор пустил все на самотек, решив, что Гарри остынет и после вежливого разговора, в котором он сможет убедить ребенка в достоинствах предоставления второго шанса другим, все будет хорошо между профессором зельеварения и наследником Поттеров.

Если Дамблдор снова был честен с самим собой, а он старался быть честным всегда, то поначалу он послушал Северуса насчет чрезмерной реакции Гарри. Он был таким же большим дураком, каким его называл брат.

Второе собрание учебного года прошло довольно катастрофично. Филиус пришел, как какой-то одержимый демон, полный ярости, и его гнев был вполне оправдан. За свою жизнь Дамблдор был обвинен в очень многих вещах. И многие из них причиняли боль. Но когда Филлиус, которого Дамблдор считал верным другом, действительно поверил, что тот подсунет Гарри какое-то зелье, Дамблдор почувствовал себя так, словно ему разрезали самую душу.

Это было сравнимо с тем, когда Аберфорт обвинил его в том, что он стал причиной смерти Арианны.

Дамблдор позволил своим мыслям перейти к юноше, о котором шла речь. Гарри Поттер. Мальчик был загадкой для Дамблдора. Каждое утро он вставал и совершал смертельные подвиги. Бегал и прыгал, ловил и поднимал себя по всей Большой лестнице. Дамблдор знал об этом, потому что портреты прибегали, чтобы рассказать ему об этом. Он не использовал их как серию шпионов, как все могли бы поверить, но он использовал их, чтобы получить помощь для студента, когда тот был в опасности.

Он, Поппи, Минерва и Филиус пришли посмотреть, как Гарри спрыгнул с седьмого этажа на площадку пятого, зацепился за перила и поднялся с атлетизмом, которого Дамблдор не видел даже у самых преданных профессионалов квиддича. Поппи предложила объяснение, что его магия, вероятно, помогает ему поддерживать форму и силу, пока он тренируется, что делает его быстрее и, вероятно, сильнее, чем средний волшебник. Гарри не потревожил никого из учеников, поэтому позволил продолжить тренировку.

Он пожирал знания с невероятной скоростью. Он доставал из своих сумок непонятные книги, дополнительное чтение по различным классам, которые были известны, но не получили широкого распространения. Дамблдор готов поклясться, что ему показалось, будто он уже видел книгу по рунам, как будто Гарри изучал ее заранее, чтобы решить, какие факультативы выбрать.

Он слышал, как Гарри разговаривал с кем-то из старших учеников, интересуясь такими вещами, как Алхимия и Колдовство, - двумя очень продвинутыми формами магии, в которых первокурсник вряд ли сможет разобраться с первого раза. Сам Дамблдор начал изучать Алхимию только после того, как ему исполнилось почти пятьдесят.

А к колдовству - только после того, как победил Геллерта.